ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В УСЛОВИЯХ УКРЕПЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ МОДЕЛИ И КУРСА НА СТРАТЕГИЧЕСКУЮ АВТОНОМИЮ

Абдурахманов Диёр Марсельевич
Университет мировой экономики и дипломатии
Независимый исследователь (PhD)
E-mail: adiyor1984@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья рассматривает эволюцию внешней политики Турции после перехода к президентской системе и усиления курса на стратегическую автономию. Цель исследования - выявить связь между централизацией принятия решений после реформы 2017 г., внутриполитической динамикой и изменением политики Анкары. Использованы сравнительно-исторический, институциональный и системный подходы, анализ официальных документов, статистики и научной литературы. Стратегическая автономия понимается как расширение свободы манёвра при сохранении членства в НАТО и экономических связей с Европой. Она проявляется в развитии отношений с Россией, Ближним Востоком, Центральной Азией и Африкой, а также в усилении роли оборонной промышленности, энергетики и торговой дипломатии. В 2024 г. оборонный экспорт Турции вырос с 5,5 до 7,1 млрд. долл.; при этом зависимость от рынков, технологий и финансовых потоков сохраняет относительный характер автономии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Турция; внешняя политика; стратегическая автономия; президентская система; НАТО; Россия; Центральная Азия; оборонная промышленность; энергетика; торговая дипломатия.

ABSTRACT

The article examines the evolution of Turkey's foreign policy after the transition to the presidential system and the strengthening of its strategic-autonomy agenda. It explores the relationship between decision-making centralization after the 2017 reform, domestic political dynamics and changes in Ankara's foreign policy. Strategic autonomy is treated as the expansion of room for maneuver while maintaining NATO membership and economic links with Europe. In 2024, Turkey's defense exports rose from USD 5.5 billion to USD 7.1 billion, although external technological, financial and market dependence still limits the scope of autonomy.

KEYWORDS

Turkey; foreign policy; strategic autonomy; presidential system; NATO; Russia; Central Asia; defense industry; energy; trade diplomacy.

ВВЕДЕНИЕ

После референдума 16 апреля 2017 г. Турция перешла к президентской системе: конституционные поправки поддержали 51,41% участников голосования при явке 85,43%. Упразднение должности премьер-министра и концентрация исполнительных полномочий у президента усилили значение президентской администрации и персональной дипломатии. Однако изменение внешнеполитического курса объясняется не только институциональной реформой. На него повлияли война в Сирии, нестабильность на Ближнем Востоке, противоречия между Россией и Западом, миграционный кризис, напряжённость в Восточном Средиземноморье и конфликт на Украине.

В этих условиях Анкара стремится сочетать участие в НАТО и экономические связи с Европой с развитием отношений с Россией, странами Ближнего Востока, Южного Кавказа, Центральной Азии и Африки. Под стратегической автономией в статье понимается способность самостоятельно определять внешнеполитические приоритеты и расширять свободу манёвра без отказа от союзов и международных обязательств.

Материальную основу такого курса формируют торговля, энергетика и оборонно-промышленный комплекс. В 2024 г. экспорт Турции достиг 261,8 млрд. долл., импорт - 344,0 млрд. долл., а дефицит внешней торговли составил 82,16 млрд. долл. Экспорт оборонной и авиационной продукции вырос до 7,154 млрд. долл. против 5,5 млрд. долл. годом ранее. Эти показатели расширяют возможности для самостоятельной политики, но зависимость от импорта энергоносителей, финансовых ресурсов и критических технологий сохраняется.

Цель статьи - определить влияние президентской модели на эволюцию внешнеполитического курса Турции и раскрыть содержание её стратегии автономизации в условиях многополярности. Объект исследования - внешняя политика Турции в период президентской системы; предмет - институциональные, политические и экономические механизмы расширения самостоятельности. Рабочая гипотеза состоит в том, что президентская модель не создала курс на автономизацию, но усилила его управленческую основу.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Современная внешняя политика Турции широко исследуется в российской, турецкой, узбекской и европейской литературе. В центре внимания находятся институциональная трансформация страны, стратегическая автономия, российско-турецкие отношения, евразийский вектор и связи Турции с Центральной Азией.

Российские авторы, в частности П. В. Шлыков, анализируют турецкую политику через соотношение преемственности и изменений. Внешнеполитическая активизация Анкары не означает разрыва с евроатлантическими институтами: она сочетается с развитием связей с Россией, диверсификацией партнёрств и укреплением оборонно-

промышленного комплекса. Такая трактовка позволяет избежать упрощённого противопоставления «прозападной» и «евразийской» Турции.[1]

Работы В. А. Аваткова, С. Б. Дружиловского, Н. Ю. Ульченко и И. А. Свистуновой раскрывают идеологические и геополитические основания курса Анкары. Обращение к османскому прошлому и тюркской солидарности рассматривается не только как идеологический дискурс, но и как инструмент поддержки экономических, гуманитарных и военно-политических проектов в Евразии, на Ближнем Востоке и в Африке.[2]

Турецкая литература связывает рост централизации после 2017–2018 гг. с усилением роли президентской администрации, при сохранении влияния МИД, органов безопасности, вооружённых сил и структур оборонной промышленности. Европейские исследования подчёркивают противоречие между стремлением к автономии и зависимостью от западных рынков, технологий и институтов безопасности. Узбекские авторы акцентируют роль Центральной Азии и Узбекистана в тюркском направлении, одновременно отмечая много векторность внешней политики Ташкента.

Таким образом, литература даёт достаточную основу для исследования, но институциональную реформу и стратегическую автономию часто изучают раздельно. Настоящая работа связывает централизацию исполнительной власти, внешнеэкономическую диверсификацию, оборонную промышленность и практику гибкого балансирования в единой модели.

МЕТОДОЛОГИЯ

Исследование опирается на системный, институциональный и сравнительно-исторический подходы. Системный подход позволяет рассматривать внешнюю политику Турции как результат взаимодействия

[1] Шлыков П. В. The State of Strategic Hedging: Turkey's Foreign Policy and Relations with Russia // *Russia in Global Affairs*. 2023. Vol. 21, No. 3. P. 134–158. DOI: 10.31278/1810-6374-2023-21-3-134-158. [eng.globalaffairs](https://eng.globalaffairs.ru/articles/the-state-of-strategic-hedging/)

[2] Аватков В. А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // *Свободная мысль*. 2014. № 3. [aps.tsuos](https://aps.tsuos.uz/storage/users/335/articles/BYXsLzf5rYFxBU4HWsrMKnJA7jozsfOJWR3UYOuV.pdf)

внутриполитических процессов, ресурсов экономики, военно-технологического потенциала и международной среды. Поэтому автономизация анализируется через дипломатию, безопасность, энергетику, торговлю и гуманитарную политику.

Институциональный анализ используется для оценки влияния президентской модели на распределение полномочий, скорость принятия решений и роль президентской администрации. Сравнительно-исторический метод сопоставляет этапы до и после 2018 г. по степени централизации, отношениям с НАТО и ЕС, взаимодействию с Россией, региональной активности и изменениям в оборонно-промышленной сфере.[3]

Концептуальную рамку образуют реализм, неоклассический реализм и конструктивизм. Реализм объясняет стремление к безопасности и диверсификации партнёрств; неоклассический реализм учитывает роль институтов, ресурсов и восприятия угроз; конструктивизм раскрывает значение исторической памяти, суверенитета и представлений о статусе Турции. Эмпирическая база включает официальные документы, данные TÜİK, Министерства торговли, SSB и исследования российских, турецких, узбекских и европейских авторов.[4]

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ.

Проведённый анализ показывает, что переход Турции к президентской системе усилил централизацию внешнеполитического управления, однако сам по себе не предопределил содержание международного курса страны. Стремление Анкары к большей самостоятельности складывалось ещё в предшествующий период, когда правительство Партии справедливости и развития расширяло региональные связи, развивало оборонно-промышленный

[3] Organization for Security and Co-operation in Europe. *Republic of Turkey: Constitutional Referendum, 16 April 2017. ODIHR Election Observation Mission Final Report*. Warsaw, 2017. P. 1, 23–24. [osce](https://www.osce.org/files/f/documents/6/2/324816.pdf)
[4] Republic of Türkiye, Ministry of Trade. *Foreign Trade Statistics: December 2024*. Ankara, 2025. [trade.gov](https://www.trade.gov.tr/data/677fc11e13b87626142c404f/FBT%20December%202024.pdf)

комплекс и использовало экономическую дипломатию как один из инструментов влияния. После введения президентской модели эти тенденции получили иной институциональный механизм: ключевые решения стали быстрее концентрироваться на уровне президента, его администрации и узкого круга органов безопасности.

Реформа была одобрена на конституционном референдуме 16 апреля 2017 г.: за переход к президентской системе проголосовали 51,41% участников голосования, против - 48,59%. [5] Практическое функционирование новой модели началось после выборов 2018 г. Упразднение должности премьер-министра и концентрация исполнительных полномочий в президентском центре повысили значение персональной дипломатии Р. Т. Эрдогана. Это проявилось в росте числа двусторонних встреч, расширении практики президентских переговоров по вопросам безопасности, энергетики, торговли и региональных конфликтов. Вместе с тем персонализация не означает, что внешняя политика свелась к воле одного лидера. Министерство иностранных дел, Национальная разведывательная организация, военное руководство, структуры оборонной промышленности и экономические ведомства сохраняют роль в подготовке и реализации решений. Изменение заключалось главным образом в порядке координации: окончательное политическое решение всё чаще принимается в президентском центре.

Внешнеполитический курс Турции после 2018 г. целесообразно интерпретировать как стратегическое хеджирование, а не как последовательный разрыв с западными институтами. П. В. Шлыков определяет данную модель как многомерную политику, в рамках которой Анкара стремится сохранять каналы взаимодействия с Россией и

[5] Organization for Security and Co-operation in Europe. *Republic of Turkey: Constitutional Referendum, 16 April 2017. ODIHR Election Observation Mission Final Report*. Warsaw, 2017. P. 1, 23–24. [osce](https://www.osce.org/files/f/documents/6/2/324816.pdf)

одновременно поддерживать связи с НАТО, Европейским союзом и США.[6] Для Турции это означает отказ от жёсткого выбора между конкурирующими центрами силы. В практическом отношении такая линия проявлялась, с одной стороны, в продолжение членства в НАТО, участии в механизмах альянса и поддержании экономических отношений с Европейским союзом, а с другой - в закупке российских зенитных ракетных комплексов С-400, координации с Москвой по сирийскому направлению и развитии энергетического сотрудничества.

Российско-турецкие отношения наиболее наглядно демонстрируют ограничения и возможности этого подхода. Взаимодействие Москвы и Анкары не носит союзнического характера: стороны сохраняют несовпадающие позиции по Сирии, Южному Кавказу, Ливии и ряду других вопросов. Однако наличие разногласий не исключает прагматического сотрудничества в энергетике, торговле, туризме и переговорном регулировании конфликтов. В этом состоит особенность турецкой стратегической автономии: Анкара пытается одновременно конкурировать, договариваться и извлекать экономические выгоды из отношений с крупными державами. Подобная позиция повышает её переговорный потенциал, но делает внешнюю политику особенно чувствительной к кризисам и смене баланса сил.

Существенным ресурсом автономизации стал оборонно-промышленный комплекс. По данным главы Управления оборонной промышленности Турции (SSB) Халука Гёргюна, экспорт оборонной и авиационной продукции в 2024 г. достиг 7,154 млрд. долл., что на 29% превышает уровень 2023 г. и на 11% превышает заявленный годовой целевой показатель в 6,5 млрд. долл.[7] В 2024

[6] Шлыков П. В. The State of Strategic Hedging: Turkey's Foreign Policy and Relations with Russia // *Russia in Global Affairs*. 2023. Vol. 21, No. 3. P. 134–158. DOI: 10.31278/1810-6374-2023-21-3-134-158. [eng.globalaffairs](https://eng.globalaffairs.ru/articles/the-state-of-strategic-hedging/)
[7] SSB's 2024 Evaluation & 2025 Goals // *Defence Turkey Magazine*. 2025. [defenceturkey](https://www.defenceturkey.com/en/content/ssb-s-2024-evaluation-2025-goals-6214.)

г. турецкая оборонная продукция поставлялась примерно в 180 государств; отрасль включала более 3 500 компаний, свыше 1 100 проектов, а заявленный уровень локализации достигал 80%. [8] Эти показатели следует интерпретировать осторожно. Они свидетельствуют о расширении производственных и экспортных возможностей Турции, но не доказывают полной технологической независимости: в критически важных сегментах - двигателестроении, электронике, отдельных видах вооружений и комплектующих - сохраняется зависимость от иностранных технологий и цепочек поставок.

Экономическое измерение также ограничивает и одновременно поддерживает курс на стратегическую автономию. В 2024 г. турецкий экспорт достиг 261,8 млрд. долл., а импорт составил 344 млрд. долл.; дефицит внешней торговли сократился на 22,7% и составил 82,16 млрд. долл.[9] Рост экспорта расширяет возможности для торговой дипломатии и укрепления связей с партнёрами в Евразии, на Ближнем Востоке и в Африке. Однако высокий объём импорта и сохраняющийся дефицит показывают, что ресурсы внешнеполитической самостоятельности опираются на экономику, которая остаётся зависимой от импорта энергоносителей, оборудования и промежуточных товаров, а также от притока внешнего капитала.

Центрально азиатское направление занимает в этой модели особое место. Турция расширяет связи с государствами региона через Организацию тюркских государств, механизмы образовательного и культурного сотрудничества, инвестиционные проекты, транспортные инициативы и военно-технические контакты. Для Анкары Центральная Азия важна не только как пространство историко-культурной близости, но и как часть

[8] Ibid. В публикации приводятся данные о более чем 3 500 компаниях, свыше 1 100 проектах, заявленном уровне локализации 80% и поставках продукции примерно в 180 стран. [defenceturkey](https://defenceturkey.com/news/ssbs-2024-evaluation-2025-goals)
[9] Turkish Statistical Institute; см.: Türkiye’s foreign trade gap narrows 22.7% in 2024 // *Anadolu Agency*. 31.01.2025. [aa.com](https://www.aa.com.tr/en/economy/turkiyes-foreign-trade-gap-narrows-227-in-2024/3467755)

коммуникационного коридора между Каспийским регионом, Кавказом и европейскими рынками. Узбекистан при этом выступает одним из ключевых партнёров Турции в регионе благодаря демографическому, экономическому и политическому потенциалу. Однако взаимодействие с Ташкентом имеет прагматичный и взаимовыгодный характер: Узбекистан проводит много векторную внешнюю политику и не рассматривает отношения с Турцией как замену сотрудничеству с другими внешними центрами силы.[10]

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу лишь частично. Президентская модель повысила скорость и степень централизации внешнеполитического управления, создав более благоприятные условия для оперативного совмещения дипломатических, военных, экономических и информационных инструментов. В то же время устойчивость такого курса зависит от факторов, не контролируемых президентской администрацией полностью: ситуации на мировых рынках, доступа к технологиям, отношений с союзниками по НАТО, динамики российско-турецкого взаимодействия и внутриполитической легитимности власти.

Поэтому турецкую стратегическую автономию следует определять не как отказ от союзов, а как практику диверсификации зависимостей. Анкара стремится избежать подчинения одному центру силы, но не может полностью устранить внешние ограничения. В этом заключается и преимущество, и уязвимость её модели. Преимущество связано с возможностью использовать противоречия между внешними игроками для расширения собственного манёвра; уязвимость - с необходимостью постоянно поддерживать равновесие

[10] Мамаджонов А. «Turkish World» Strategy of Turkey’s Soft Power in Central Asia: Opportunities and Challenges // *International Journal of History and Political Sciences*. Ташкент: Ташкентский государственный университет востоковедения, 2025; Kelkitli F. A. Uzbekistan’s Foreign Policy under the Leadership of Mirziyoyev: Struggle to Sustain Autonomy // *Türkiyat*. 2023. [aps.tsuos](https://aps.tsuos.uz/storage/users/335/articles/BYXsLzf5rYFxBU4HWsrMKnJA7jozsfOJWR3UYOuV.pdf)

между партнёрами, интересы которых во многих случаях прямо противоположны.

ТАБЛИЦА 1. ПОКАЗАТЕЛИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ И РЕСУРСНЫХ ОСНОВ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ АВТОНОМИИ ТУРЦИИ

Показатель	Период	Значение	Значение для анализа
Конституционный референдум	16.04.2017	51,41%«за»; 48,59%«против»	Переход к президентской системе проходил при высокой поляризации.
Явка на референдуме	2017	85,43%	Показывает высокую политическую значимость реформы.
Экспорт товаров	2024	261,8 млрд. долл.	Ресурс торговой дипломатии.
Импорт товаров	2024	344, 0 млрд. долл.	Показывает внешнюю зависимость от ресурсов и технологий.
Торговый дефицит	2024	82,16 млрд. долл.	Структурное ограничение автономизации.
Оборонный и авиационный экспорт	2024	7,154 млрд. долл.	Рост военно-промышленного и экспортного потенциала.
Рост оборонного экспорта	2024 к 2023	29%	Расширение внешнеторговых возможностей отрасли.
География поставок ОПК	2024	180-185 стран	Расширение партнёрских связей.
Заявленная локализация ОПК	2024	80%	Не исключает зависимости от критических технологий.

Источник: составлено автором по данным ОБСЕ, TÜİK, Министерства торговли Турции и SSB.

Табличные данные показывают, что ресурсная база автономизации растёт, но остаётся ограниченной. Рост оборонного экспорта с 1,6 млрд. долл. в 2013 г. до 7,154 млрд. долл. в 2024 г. означает увеличение примерно в 4,47 раза. Одновременно сохраняющийся торговый дефицит и зависимость от

критического импорта не позволяют приравнивать рост производственных возможностей к полной независимости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Укрепление президентской модели стало важным институциональным условием трансформации внешней политики Турции, но не её единственной причиной. Президентская система усилила координацию дипломатических, военных и экономических инструментов, тогда как стремление к автономии формировалось под влиянием региональных конфликтов, изменений международной системы, диверсификации партнёрств и развития оборонной промышленности.

Турецкая стратегия не означает полного геополитического разворота от Запада. Её точнее определять как диверсификацию зависимостей и гибкое балансирование между НАТО, ЕС, Россией, странами Ближнего Востока, Африки и Центральной Азии. Её сильная сторона - расширение пространства манёвра; слабая - сохраняющаяся зависимость от технологий, рынков, энергии и финансовых потоков.

Для дальнейших исследований целесообразно использовать измеримые индикаторы автономии: структуру импорта критических технологий, долю национального производства в оборонных программах, динамику инвестиций и географию торговли. Перспективно также сравнить Турцию с другими государствами среднего уровня и подробнее изучить роль стран Центральной Азии как самостоятельных участников региональной политики.

В практическом плане устойчивость курса Анкары зависит от развития научно-технологической базы, снижения зависимости от импорта продукции высокой добавленной стоимости и поддержания предсказуемой макроэкономической политики. Узбекистану выгодно развивать взаимодействие с Турцией в логистике, образовании, цифровых технологиях,

перерабатывающей промышленности и подготовке кадров, сохраняя много векторный характер своей внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Аватков В. А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // **Свободная мысль**. 2014. № 3. С. 71-78. URL: https://aps.tsuos.uz/storage/users/335/articles/BYXsLzf5rYFxBU4HWsrMKnJA7jozsfOJWR3UYOuV.pdf

2. Мамаджонов А. Стратегия «тюркского мира» как направление мягкой силы Турции в Центральной Азии: возможности и вызовы [на англ. яз.] // **International Journal of History and Political Sciences**. 2025. URL: https://aps.tsuos.uz/storage/users/335/articles/BYXsLzf5rYFxBU4HWsrMKnJA7jozsfOJWR3UYOuV.pdf

3. Шлыков П. В. Стратегическое хеджирование: внешняя политика Турции и отношения с Россией [на англ. яз.] // **Russia in Global Affairs**. 2023. Т. 21, № 3. С. 134-158. DOI: 10.31278/1810-6374-2023-21-3-134-158. URL: https://eng.globalaffairs.ru/articles/the-state-of-strategic-hedging/ eng.globalaffairs

4. Kelkitli F. A. Uzbekistan's foreign policy under the leadership of Mirziyoyev: struggle to sustain autonomy // **Türkiyat**. 2023. URL: https://dergipark.org.tr/en/download/article-cite-file/1087202/type/6

5. Kutlay M., Öniş Z. Turkish foreign policy in a post-Western order: strategic autonomy or new forms of dependence? // **International Affairs**. 2021. Vol. 97, no. 4. P. 1085-1104.

6. Organization for Security and Co-operation in Europe. Republic of Turkey: Constitutional Referendum, 16 April 2017: OSCE/ODIHR Limited Referendum Observation Mission Final Report. Warsaw: OSCE/ODIHR, 2017. 27 p. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/6/2/324816.pdf osce

7. Republic of Turkey. Ministry of Trade. Foreign Trade Statistics: December 2024. Ankara: Ministry of Trade, 2025. URL:

https://www.trade.gov.tr/data/677fc11e13b87626142c404f/FBT%20December%202024.pdf

8. Turkish Statistical Institute (TÜİK). Foreign Trade Statistics: Micro Data Set, 2025. Ankara: TÜİK, 2025. URL: https://www.tuik.gov.tr/media/microdata/pdf/dis-ticaret.pdf

9. SSB's 2024 evaluation & 2025 goals // **Defense Turkey Magazine**. 2025. URL: https://www.defenceturkey.com/en/content/ssb-s-2024-evaluation-2025-goals-6214

10. SSB's 2024 evaluation & 2025 goals // **Defense Turkey Magazine**. 2025. URL: https://defenceturkey.com/news/ssbs-2024-evaluation-2025-goals

11. Turkey's defense exports hit record high of $7.1 billion in 2024 // **Defense News**. 2025. 04 Feb. URL: https://www.defensenews.com/global/europe/2025/02/04/turkeys-defense-exports-hit-record-high-of-71-billion-in-2024/